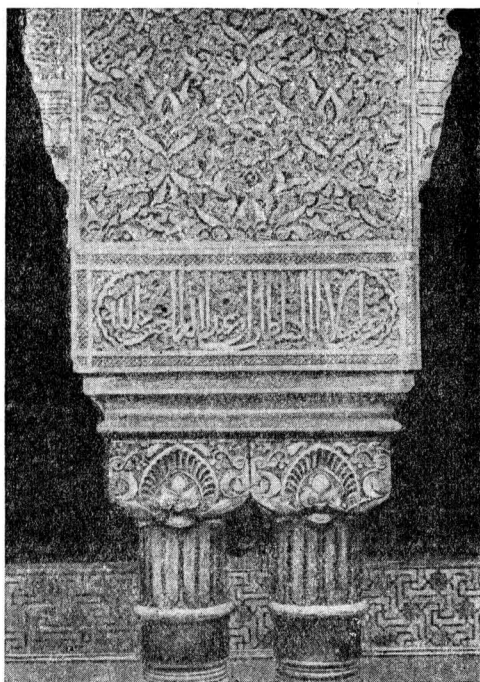

размера — котелки, тазы, высокие подсвечники и т. п. Все эти предметы украшались тончайшими орнаментами, в которых буквы арабских надписей причудливо сочетаются с растительными мотивами, а подчас и с изображениями людей и животных, причем нередко применялся прием инкрустации тонких серебряных пластинок в бронзовую основу. Таким же образом инкрустировалась слоновая кость в резьбе по дереву, когда сложнейшим резным орнаментом покрывалась поверхность ларцов или дверных створок.

Наконец, следует упомянуть еще о производстве бумаги. До арабов в качестве письменного материала употребляли лишь папирус, вывозившийся из Египта, и пергамент; оба эти материала стоили дорого, и потому книги были доступны очень немногим. Бумага, изобретение китайцев, проникла в Иран, повидимому, еще в конце сасанидского периода, но лишь с арабами получила широкое распространение; в VIII в. она появляется в Самарканде, затем — в Багдаде, позднее, через Египет и Северную Африку проникает в Испанию и оттуда — на запад (с XII в.).

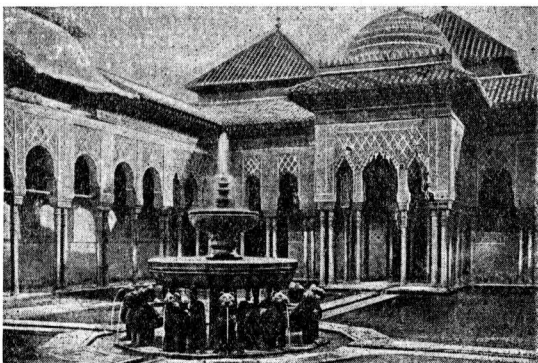
Капитель колонны «Львиного двора» в Альгамбре

§ 4

Наука, литература и искусство в Арабском халифате. Книжное дело и библиотеки. Школа. Предметы преподавания. Арабская поэзия и прозаическая художественная литература. Арабская наука: история, география, право, астрономия, математика, философия. Феодальный и светский характер науки. Арабское искусство. Влияние арабской культуры на средневековую Европу. Историческое значение арабской культуры.

Расцвет материальной культуры арабского халифата обусловил высокое развитие духовной культуры. Наглядным примером зависимости

второй от успехов первой является развитие книжного дела у арабов, которому чрезвычайно способствовало высокое качество и дешевизна писчего материала — бумаги. Благодаря этому сделалось возможным возникновение большого числа обширных библиотек, ставших настоящими центрами образования и научной мысли. Арабские библиотеки по размерам и разнообразию содержавшихся в них книг

«Львиный двор» в Альгамбре

бесконечно превосходили современные им европейские библиотеки. Так, например, книжное собрание кордовского халифа Хакама насчитывало, по имеющимся сведениям, до 400 тыс. томов.

Библиотеки имелись не только в халифских дворцах и у сановников, но и у многих феодалов и даже у купцов, а книгохранилища при мечетях носили характер публичных библиотек. Изображение такой библиотеки мы находим на одной арабской миниатюре; здесь мы видим большой — во всю стену — шкаф, состоящий из нескольких рядов открытых отделений — ячеек, в которых лежат книги. Книги помещались в ячейках небольшими стопками обреза наружу, так как название сочинения и имя автора писались не на корешке переплета, как у нас, а на обрезе. Читатели располагались тут же, около шкафов, на коврах и подушках. При больших библиотеках состоял обычно штат переписчиков, постоянно пополнявших книгохранилища литературными новинками. Особенно ценились переписчики—каллиграфы; искусство изящного письма стояло чрезвычайно высоко. Многие книги украшались цветными орнаментами и иллюстрациями; переплеты подчас бывали роскошны. Об уважении, питаемом арабами к книгам, мы имеем многочисленные литературные свидетельства. Поэт Мутанабби (X в.) говорит в одной из своих поэм: «Самое достойное место в мире — седло скакуна; самый лучший собеседник во всякое время — книга». Один из арабских полководцев, наставляя своего сына, советовал ему на базарах останавливаться только перед торговцами оружием и перед книжными лавками.

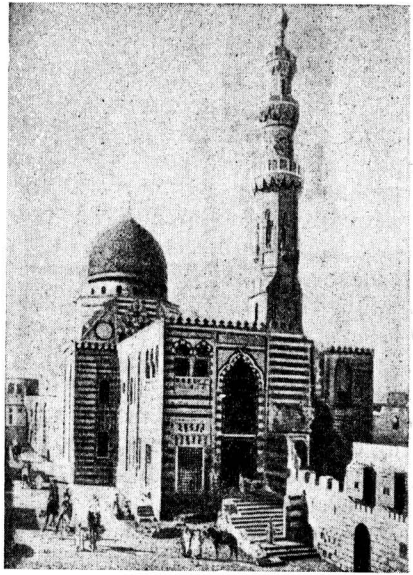
При сравнительной дешевизне книг и обилии библиотек арабские страны обладали и очень значительным количеством школ — не только низших, но и высших. Арабские школы, хотя и основывались зачастую при мечетях, были в меньшей степени подчинены интересам культа, чем современные им европейские. Коран и мусульманское богословие, конечно, в них преподавались, но наряду с этим изучались каллиграфия, грамматика, риторика, право, медицина, астрономия, математика, а иногда и философия. Каллиграфия, как уже было упомянуто, ценилась арабами чрезвычайно высоко; с течением времени выработался целый ряд различных форм изящного почерка и умение красиво писать превратилось в сложное искусство. Не меньшего труда требовало от школьника овладение грамматикой. Арабская грамматика была тщательно разработана поколениями ученых, образовавших две знаменитые грамматические школы в городах Басре и Куфе; впоследствии грамматическая система арабов легла в основу традиционных грамматик персидского и турецкого языков. Среди изящной литературы более всего ценилась поэзия, сложившаяся среди кочевых арабских племен задолго до появления Мухаммеда. Эта бедуинская поэзия в течение нескольких столетий передавалась устно из поколения в поколение, сохраняясь в памяти сказителей, и лишь позднее была собрана и записана арабскими филологами.

Основным ее жанром является так называемая «касыда» — поэма, обязательно состоящая из трех частей, из которых в первой описывается плач поэта-бедуина над остатками кочевья, покинутого его возлюбленной, вторая рассказывает о путешествии поэта на верблюде через пустыню, и последняя посвящается восхвалению того лица, которому предназначена в дар данная поэма. Этот жанр был признан классическим, и хотя при Аббасидах, в крупных центрах халифата, не без влияния персидской лирики, возник новый вид арабской поэзии, с иною уже тематикой, бедуинские каноны долго еще не были забыты. Подвергнутые теоретической разработке, они послужили материалом арабской поэтики. Для того чтобы получить хотя бы некоторое представление об этой «бедуинской» поэзии старых арабов, приведем, в искусном прозаическом пересказе современника А. С. Пушкина, арабиста Сеньковского, отрывок, в котором

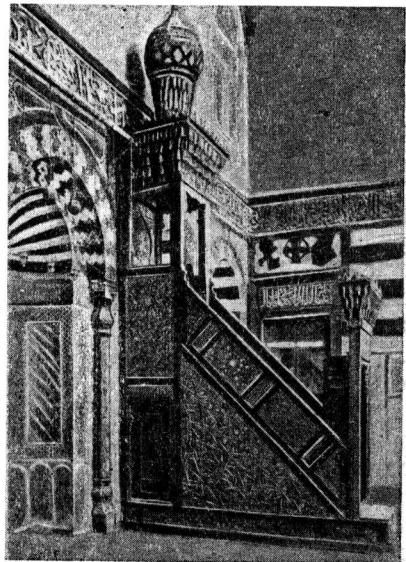
поэт ал-Ааша воспевает свою возлюбленную Хурейру.

«Настала минута сказать Хурейре — прощай! Поколение ее выступает в путь, чтобы перейти на другое пастбище. Но достанет ли сил произнести ей «прощай»? Как ослепительна белизна ее чела! Как длинны и густы ее волосы! Как блестят ее зубы! Медленна и спокойна ее походка, как шаг коня, пораженного в ногу. Когда она идет из шатра своей соседки, то величественно колеблется подобно облаку, которое тихо плавает в воздухе. При каждом шаге слышится звук бряцающих медальонов, которыми украшены ее бесчисленные косы, звук, подобный издаваемому семенами ветром колеблемого ишрика. Она не из числа тех девиц, которых ненавидят подруги, потому что никогда не ищет она подслушивать их тайны. Она сложена так нежно, что не может посетить своей соседки без усилия и напряжения. Когда она немного поиграет со своею подругою, все тело ее приходит в трепетание. Едва я увидел ее, тотчас и полюбил; но, увы, она пламенеет к другому, который расточает свою любовь перед иной красавицей! Любит и меня также другая девица, но я к ней нечувствителен. Так делим мы все одинаковую участь; так чувствуем все мучения любви, и каждый попадает в те же сети, которыми сам опутывал других».

Наряду с поэзией пользовались большой популярностью некоторые произведения изящной прозы — в первую очередь сборники так называемых «макам» — бытовых, обычно юмористических новелл, написанных вычурной рифмованной прозой вперемежку со стихотворными отрывками. К более «низкому» разряду литературы относили, также в достаточной мере популярные, рыцарские романы, например роман об Антаре, и сборники волшебных сказок, вроде возникшей позднее книги сказок 1001 ночи. Несомненно, много читались, хотя и не столь широким кругом людей, многочисленные памятники арабской историографии, создавшей такие труды, как исторический свод Табари (X в.), излагающий мировую историю с древнейших времен до 915 г. н. э., или любопытную и, в своем роде, единственную попытку философии истории — труд Ибн Халдуна (XIV в.), пытающийся установить законы исторического процесса в зависимости от географической среды и хозяйственного развития народов. Не менее интересна и арабская географи-

Мечеть султана Каит-бея. Каир

Внутренний вид мечети султана Каит-бея. Каир

ческая литература, получившая свое содержание из богатого опыта многочисленных арабских путешественников-купцов.

Арабское право, казуистически мелочное и схоластическое, создано, вероятно, под некоторым воздействием классической римской юриспруденции. Античная традиция лежит и в основе арабской медицины. При Аббасидах, в особенности при сыне известного Харуна ар-Рашида Мамуне, сочинения классиков античной медицины Гиппократ и Галена переводятся на арабский язык учеными переводчиками — сирийцами. На базе этих сочинений, к которым присоединялись сведения из индийской и иранской медицины, равно как и данные опыта, возникла врачебная наука арабов. Медицина достигла своего апогея в трудах Рази (X в.) и Авиценны (XI в.), пользовавшихся большим уважением в средневековой Европе. На античной традиции, далее, базируется и арабская астрономия: в ее основе лежит знаменитый свод Птолемея, известный в арабском переводе под именем «Альмагеста», причем арабские ученые не только повторили положения греческой астрономической науки, но расширили и углубили их рядом новых данных, почерпнутых из индийских источников и из собственных наблюдений. В математике, тесно связанной с астрономией, арабы также шагнули значительно дальше греков. Ознакомившись с математическими теориями индусов, они разработали начала алгебры и тригонометрии. Что касается философии, то и здесь арабы в основном зависели от античности. Ученые сирийцы, вместе с медицинскими и астрономическими трудами древних, ревностно перелагали на арабский язык сочинения греческих философов, прежде всего Аристотеля. На базе этих переводов и возникла арабская философская мысль, классическими представителями которой являются в X в. Альфа раби, тюрк по национальности, в XI в. — иранец Авиценна и в XII столетии — Аверроэс, «великий комментатор» Аристотеля.

Арабская наука, будучи феодальной наукой, тем не менее значительно отличалась от современной ей европейской: если эта последняя развивалась преимущественно в монастырях, то деятельность арабских ученых протекала при дворах халифов и феодальных мусульманских князей, причем иногда при крупных и богатых дворах создавались даже своего рода «академии наук». Таково было известное «обиталище мудрости» (Бейт альхикма) при дворе аббасида Мамуна. Это придавало арабской науке большую светскость и обуславливало большую свободу исследования, чем то было в Европе. Именно в этом обстоятельстве следует искать одну из причин того, что арабская наука была значительно выше и плодотворнее современной ей европейской.

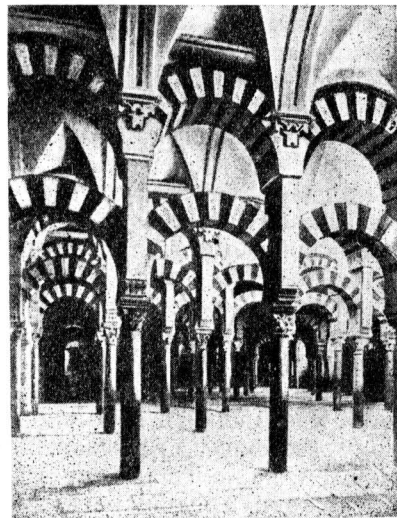
Как арабская наука корнями своими уходила в древнюю почву Греции, Индии, Ирана, Египта и Вавилона, создав, однако, из этих разнородных источников цельную и в своем роде последовательную систему миропонимания, так же многообразно по своему происхождению и целостно по своей сути арабское искусство, памятники которого, отражая в себе черты народного искусства тех стран, в которых они создавались, обладают тем не менее целым рядом общих черт, позволяющих отнести их к единому художественному и культурному циклу.

Выше уже упоминалось о памятниках арабского искусства, когда шла речь о халифских дворцах и о предметах художественной промышленности, — о тканях, стекле, керамике, бронзе, о книжной миниатюре. Наиболее типичны, однако, для арабской архитектуры не дворцы Самарры, а мечети Каира и дворцы мусульманской Испании. Для здания мечети характерны купол и высокий стройный минарет (иногда — несколько), по которым мечеть можно признать с первого взгляда. Прекраснейшим образцом арабского дворца является знаменитый замок Альгамбра в Гранаде (XIII—XV вв.), где нет живописи и все стены покрыты

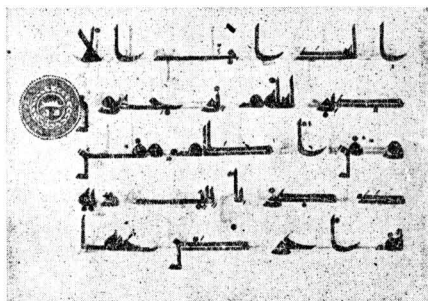

сложнейшими резными по гипсу и раскрашенными орнаментами—арабесками. Эти арабески, а также масса легких колонн, поддерживающих небольшие арки, и разделенные напоминающими соты ячейками своды являются характернейшими чертами подобной архитектуры. Что касается скульптуры, то ее, собственно, в арабском искусстве не было, и редкие ее образцы малохудожественны: изображения львов под фонтаном в известном «львином дворе» той же Альгамбры на фоне общей художественной роскоши архитектуры поражают своей примитивностью. Живопись — как стенная, так и книжная—в эпоху Аббасидского (а также Фатимидского) халифата была достаточно, повидимому, распространена, но позднее изображать живые существа было признано греховным, и потому от этой живописи дошло до нас очень мало образцов. При отсутствии, собственно скульптуры и собственно живописи большое значение приобрел скульптурный и живописный орнамент, получивший в Европе, по имени создавшего его народа, название «арабесок». Этот орнамент, в бесконечном разнообразии форм и вариаций, мы находим и на стенах арабских зданий, и на тканях, и на сосудах из бронзы и керамики, и на страницах рукописей.

Даже из этой краткой характеристики арабской культуры нетрудно понять, что культура эта значительно превосходила современную ей европейскую и, следовательно, должна была так или иначе влиять на последнюю. Влияние это шло несколькими путями — и из мавританской Испании, через Пиренеи, во Францию, и через Сицилию в Италию, и, наконец, из Сирии и Палестины — во время так называемых «Крестовых походов». Проникали в Европу не только разнообразные продукты художественного арабского ремесла — ткани, стекло, оружие и пр., но и элементы арабской науки и философии. В этом последнем случае роль передатчиков играли евреи: усвоив полностью арабскую культуру, в создании которой они сами занимали далеко не последнее место, евреи Испании и Италии переводили сокровища арабской научной литературы на еврейский язык, и в таком виде эти сокровища проникали на Запад, где, будучи переведены на латинский язык, находили немало читателей и последователей. Таким образом Европа ознакомилась не только с трудами собственно арабской науки — астрономии, математики, алхимии, оптики,—но и с целым рядом первоклассных произведений античной науки и философии задолго до того, как они стали известны в их греческом подлиннике, например, с Альмагестом Птолемея и с трудами Аристотеля. Следы влияния арабской науки на европейскую ясны и по сей день — они сказываются прежде всего в большом количестве научных терминов и бытовых слов, ведущих свое происхождение из

Мечеть в Кордове. Испания

Арабский (т. наз. «куфический») шрифт IX века. Фрагмент из корана

языка арабов: зенит, тариф, алкоголь, алгебра, алхимия, альманах, логарифм, цифра — все это слова арабские. Арабы передали Европе индийскую (десятичную) цифровую систему и индийское начертание цифр. Что касается философии, то ее влияние на развитие средневековой европейской мысли было весьма существенным, сказываясь в двух направлениях. С одной стороны, католическая схоластика пыталась — без особенного, впрочем, успеха — утвердить на заимствованном от арабов античном философском наследии систему христианской догматики, с другой стороны, усиливающаяся городская буржуазия (особенно в Италии), начавшая борьбу с феодализмом и искавшая оружия для ниспровержения католицизма, воспользовалась для этого некоторыми моментами учения арабских философов, главным образом Авиценны и Аверроэса, защищавших, между прочим, положение о вечности материи и несотворенности мира. Поэтому «аверроизм», сделавшийся синонимом безбожия и материализма, подвергся самому жестокому преследованию со стороны господствующей церкви, что, впрочем, не помешало ему продержаться в ряде европейских университетов до конца средних веков. Аверроисты придерживались, между прочим, своеобразного учения о «двух истинах», из которых одна содержится в религии, другая же, нередко ей противоположная, — в творениях Аристотеля. Но следует помнить, что в духовной культуре Европы арабское воздействие сказалось не только в области науки и философии; оно сказалось также, как выяснили недавние исследования, и в области музыки и поэзии, в частности — поэзии провансальских трубадуров, сложившейся в непосредственной зависимости от испано-арабской строфической поэзии. Знала Европа, наконец, и ряд беллетристических и нравоучительных произведений, пришедших с арабского Востока, — «Тайну Тайн, или Аристотелевы врата», «Книгу Синдбада о женском коварстве», «Книгу Калилы и Димны» и др. Даже до пределов древней Руси докатилась волна этих памятников: «Книга Калилы и Димны», под названием «Повести о Стефаните и Ихнилате», являлась одной из излюбленных книг старых русских грамотеев, а в XV в., в связи с движением так называемых «жидовствующих», на русский язык переводились даже памятники арабской философской литературы.

